Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-394-400
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

БОЧАРОВА Юлия Александровна,
старший преподаватель кафедры ОРДиСТ Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России, подполковник полиции,
e-mail: ord.kafedra@yandex.ru

ЕРОШЕНКО Ольга Олеговна,
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России, майор полиции,
e-mail: v.shanko@mail.ru

САРАНКИНА Юлия Александровна,
доцент кафедры конституционного и гражданского права Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, доцент,
e-mail: Serdyuk1980@mail.ru

ДИСТАНЦИОННАЯ ВЕРБОВКА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЛЯ СОВЕРШЕНИЯ ДИВЕРСИЙ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Аннотация. *Предметом исследования выступают современные механизмы дистанционного вовлечения несовершеннолетних в совершение диверсий, осуществляемого через мессенджеры, социальные сети и иные цифровые сервисы. Анализируются изменения уголовного законодательства 2025–2026 гг., соотношение специальных норм о содействии диверсионной деятельности со статьей 150 УК РФ, а также проблемы установления умысла несовершеннолетнего исполнителя. Обосновывается необходимость различать осознанную корыстную вербовку, идеологическое вовлечение и манипулятивные схемы, основанные на обмане, шантаже либо ложном представлении о правомерности задания. Предлагается авторская модель квалификации, включающая оценку адресности воздействия, содержания задания, специальной цели, степени осведомленности подростка и механизма формирования его воли. Формулируются меры ранней профилактики цифровой вербовки.*

Ключевые слова: *несовершеннолетние, диверсия, дистанционная вербовка, вовлечение, мессенджеры, информационно-телекоммуникационные сети, уголовная ответственность, умысел, обман, профилактика.*

Для цитирования: *Бочарова Ю. А., Ерошенко О. О., Саранкина Ю. А. Дистанционная вербовка несовершеннолетних для совершения диверсий: проблемы уголовно-правовой квалификации и предупреждения // Право и управление. 2026. № 10. С. 394–400.*

BOCHAROVA Yulia Aleksandrovna,
Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Crime, Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel

EROSHENKO Olga Olegovna,
Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major

SARANKINA Yulia Aleksandrovna,
Associate Professor, Department of Constitutional and Civil Law, Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Associate Professor

REMOTE RECRUITMENT OF MINORS FOR SABOTAGE: PROBLEMS OF CRIMINAL-LAW QUALIFICATION AND PREVENTION

Annotation. *The article examines modern mechanisms of remotely recruiting minors for sabotage through messengers, social networks and other digital services. It analyzes the 2025–2026 amendments to Russian criminal law, the relationship between special provisions on assistance to sabotage activity and Article 150 of the Criminal Code, and the problem of proving the minor perpetrator's intent. The author distinguishes conscious profit-motivated recruitment, ideological involvement and manipulative schemes based on deception, blackmail or a false belief that an assignment is lawful. A qualification model is proposed that assesses individualized influence, the content of the assignment, the special purpose of sabotage, the minor's awareness and the mechanism by which his or her will was formed. Measures for early prevention of digital recruitment are formulated.*

Key words: *minors, sabotage, remote recruitment, involvement, messengers, information and telecommunication networks, criminal liability, intent, deception, prevention.*

For citation: *Bocharova Yu. A., Eroshenko O. O., Sarankina Yu. A. Remote recruitment of minors for sabotage: problems of criminal-law qualification and prevention. Law and administration. 2026;(10):394–400. (In Russ.).*

В современных условиях дистанционная вербовка несовершеннолетних для совершения диверсий превратилась в самостоятельный криминологический и уголовно-правовой феномен, поскольку ее специфика состоит в том, что контакт между организатором и потенциальным исполнителем может полностью осуществляться в цифровой среде, а именно поиск подростка, установление доверия, проверка готовности к выполнению поручений, передача координат объекта, инструкции по способу повреждения, обещание вознаграждения и получение фото- или видеоотчета совмещаются в единой коммуникационной цепочке. В результате традиционное представление о вербовке как о длительном личном идеологическом воздействии уже не отражает значительную часть современных схем, даже исследования последних лет показывают, что дистанционное вовлечение несовершеннолетних следует рассматривать как самостоятельный объект криминалистического и профилактического анализа [2, с. 24–30], а современные экспертные данные подтверждают неоднородность мотивации подростков и механизмов их включения в диверсионную деятельность [1, с. 83–101].

Особую актуальность проблеме придали изменения уголовного законодательства. Так Федеральным законом от 17 ноября 2025 г. № 420-ФЗ усилена ответственность за преступления террористической и диверсионной направленности, расширен перечень деяний, за которые уголовная ответственность наступает с четырнадцатилетнего возраста, а совершение отдельных форм содействия террористической и диверсионной деятельности в отношении несовершеннолетнего получило самостоятельное квалифицирующее значение. В тоже время в действующей редакции ст. 150 УК РФ использование информационно-телекоммуникационных сетей при вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления выступает квалифицирующим признаком и закономерно возникает вопрос о разграничении общей нормы о вовлечении несовершеннолетнего и специальных норм, ориентированных на террористическую и диверсионную деятельность.

По нашему мнению, исходным правилом должна быть оценка специальной направленности умысла взрослого, когда лицо склоняет, вербует или иным образом вовлекает несовершеннолетнего именно в совершение преступлений, перечисленных в специальных нормах о содействии террористической либо диверсионной деятельности, приоритет должна иметь специальная уголовно-правовая конструкция. При этом статья 150 УК РФ сохраняет самостоятельное значение для иных преступлений и для ситуаций, не охватываемых специальными составами, хотя в тоже время механическое сложение общей и специальной нормы за одно и то же вовлекающее воздействие способно привести к двойной оцен-

ке фактически единого поведения. Вместе с тем совокупность не исключается, если виновный последовательно вовлекает подростка в несколько самостоятельных преступлений, часть которых выходит за пределы специальных составов.

Для цифровой же среды принципиально важно содержание понятия «вовлечение», которое мы попытаемся раскрыть далее. Верховный Суд Российской Федерации применительно к содействию террористической деятельности относит к склонению, вербовке и иному вовлечению умышленные действия, направленные на включение определенного лица или группы лиц в совершение соответствующих преступлений, в том числе посредством уговоров, подкупа, угроз, предложений и распространения материалов через информационно-телекоммуникационные сети. При этом необходимо отметить, что такая конструкция позволяет охватить дистанционную коммуникацию без личной встречи, хотя наличие переписки само по себе и не доказывает вербовку, требуется установить адресность воздействия и его функциональную направленность на формирование либо укрепление решения конкретного несовершеннолетнего участвовать в преступной деятельности.

Цифровая вербовка нередко имеет ступенчатую структуру, когда на первом этапе подростку предлагают нейтральное или слабо рискованное поручение, к примеру, сфотографировать объект, уточнить режим его охраны, передать небольшой предмет, оформить банковскую карту, получить посылку. На втором этапе уже вводится материальная мотивация или формируется зависимость от «куратора», затем подросток получает задание, связанное с поджогом, повреждением инфраструктуры, транспортного объекта или средств связи, при этом после совершения действия организатор требует подтверждение результата. В исследовании клинико-психологических характеристик подростков, совершивших диверсионные действия, описаны как случаи осознанного поиска заработка и контакта с кураторами, так и ситуации, где подростки действовали под воздействием сложного обмана и манипуляции [1, с. 94–101]. Вот почему правоприменителю необходимо устанавливать не только конечное действие, но и весь процесс формирования решения.

Научно значимым является разграничение корыстной и манипулятивной модели, когда в первой подросток понимает противоправность задания, осознает характер объекта и согласен причинить требуемый вред за вознаграждение, а во второй он может быть убежден, что участвует в законной деятельности, помогает правоохранительным органам, предотвращает более тяжкое преступление либо выполняет хозяйственное поручение. Авторы исследований вовлечения несовершеннолетних через Интернет обращают внимание на использование ложных персональных данных, предварительное изучение профиля подростка и приспособление легенды к его интересам [3, с. 211–218]. В 2025 г. в литературе даже отдельно поставлен вопрос о дифференцированной квалификации вовлечения с учетом объективных и субъективных особенностей конкретной ситуации [4, с. 195–200].

По нашему мнению, именно субъективная сторона является центральной проблемой квалификации действий несовершеннолетнего, поскольку диверсия предполагает прямой умысел и предусмотренную законом специальную цель, а корыстный мотив не исключает диверсионной цели, если подросток понимает значение повреждаемого объекта и осознает, что действует для подрыва экономической безопасности или обороноспособности Российской Федерации. Но в тоже время обещание денежного вознаграждения не доказывает автоматически такого осознания, поскольку если подросток полагает, что совершает обычное повреждение имущества, участвует в инсценировке или выполняет законное распоряжение, переносить специальную цель организатора на исполнителя недопустимо. В этом аспекте целесообразно различать знание факта противоправности и знание юридически значимого социального смысла действия. К примеру, подросток может осознавать, что поджог запрещен, но не понимать функционального назначения объекта и целей инициатора, а для квалификации по ст. 281 УК РФ необходимо установить, что его сознанием охватывались признаки, позволяющие отнести деяние именно к диверсии. В противном же случае, возможна квалификация по иным нормам об умышленном повреждении имущества либо вывод об отсутствии вины в диверсии. Немаловажное значение здесь имеет ст. 28 УК РФ, поскольку всегда возможны ситуации фактического заблуждения и ч. 3 ст. 20 УК РФ, когда вследствие отставания в психическом развитии несовершеннолетний, достигший возраста ответственности, не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими.

Эмпирические данные 2026 г. несомненно усиливают эту позицию, при исследовании материалов комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз выделены подростки, совершавшие деструктивные действия под влиянием обмана и цифровых манипуляций, при этом авторы подчеркивают необходимость дифференцированной правовой оценки с учетом психического состояния, личностной зрелости и субъективной картины ситуации [1, с. 116–138], что особенно важно после снижения возраста ответственности, поскольку расширение уголовной репрессии

не должно превращаться в презумпцию того, что каждый четырнадцатилетний исполнитель полностью понимает политико-экономический смысл объекта и цели удаленного куратора.

Другая немаловажная проблема связана с моментом окончания преступления вербовщика, поскольку для склонения и вербовки в специальных составах достижение фактического результата не является обязательным, уголовно наказуемо само направленное воздействие, когда оно выражено в действиях, способных сформировать решение об участии в соответствующем преступлении, хотя для отделения уголовно наказуемой вербовки от подготовительной коммуникации важно установить достаточно определенное содержание предложения, общие разговоры о политике, демонстрация деструктивного контента или абстрактное одобрение диверсий не должны автоматически признаваться индивидуальной вербовкой. Качественный переход, по нашему мнению, происходит тогда, когда коммуникация становится адресной и связывается с конкретной преступной ролью, объектом либо типом задания.

В связи с чем предлагается использовать критерий функциональной конкретизации, смысл которого состоит в том, что дистанционное воздействие признается вербовочным с момента, когда несовершеннолетнему не просто транслируется противоправная идея, а отводится определенная функция в будущем преступлении, как то, исполнитель, наблюдатель, курьер, лицо, приобретающее компоненты, оператор связи или иной участник. По нашему мнению, такая функция может быть описана не юридическими терминами, а фактическими действиями, критерий позволит отличить распространение информации от персонализированного вовлечения и одновременно учитывать скрытые формы вербовки, где преступная цель раскрывается постепенно.

Отдельного внимания, несомненно, требует и квалификация поведения организатора, использующего обман, который не уменьшает общественную опасность вербовщика, напротив, свидетельствует о целенаправленном использовании возрастной уязвимости. К примеру, если несовершеннолетнему сообщаются ложные сведения о правомерности действий, но организатор осознает реальную диверсионную направленность задания, его собственный умысел остается прямым, уголовно-правовая оценка подростка и куратора в таком случае может существенно различаться, так, взрослый отвечает за вовлечение и иные совершенные им преступления, тогда как несовершеннолетний при отсутствии необходимого умысла не должен отвечать за диверсию только потому, что объективно выполнил указание.

Криминологическая же профилактика определенно должна учитывать структуру цифрового воздействия. Специалисты в данной области выделяют раннюю профилактику преступлений, создающих угрозу национальной безопасности, как отдельное направление работы с несовершеннолетними [6, с. 195–206]. А. В. Польшиков, к примеру, специально связывает профилактику вовлечения в террористические акты и диверсии с Интернетом и необходимостью разъяснять алгоритмы вербовочных схем [5, с. 210–214]. В более же широком плане вопросы профилактики преступлений, совершаемых несовершеннолетними и в их отношении, рассматривались В. В. Шанько и А. В. Мацко [8, с. 172–175]. Хотя, по нашему мнению, для современной ситуации эта профилактическая логика должна быть дополнена цифровыми инструментами и обучением распознаванию манипуляции.

Практически полезной нам представляется модель «ранних цифровых индикаторов», не предполагающая тотального контроля частной жизни, к которым относятся предложение перейти в закрытый мессенджер после короткого знакомства, требование скрывать контакт от родителей и педагогов, обещание непропорционально высокой оплаты за простое действие, просьбы фотографировать объекты транспорта, связи или энергетики, получение инструкции использовать зажигательные смеси, требование предоставить фото- или видеоотчет, давление после первого выполненного поручения, угрозы передать правоохранительным органам якобы компрометирующие сведения и т.д. В связи с чем, задача профилактики состоит не в криминализации поведения подростка на раннем этапе, а в создании безопасного механизма сообщения о подобных контактах.

В этом контексте, перспективным нам представляется включение специальных профилактических модулей в работу образовательных организаций и подразделений по делам несовершеннолетних, которые должны объяснять не только уголовно-правовые последствия, но и психологическую архитектуру вербовки, такие как формирование доверия, «малую просьбу», постепенное повышение ставок, изоляцию от значимых взрослых, создание срочности и страха, обещание спасения через выполнение задания. На наш взгляд, прямое запугивание суровостью наказания менее эффективно, если подросток уверен, что действует по заданию «сотрудника службы безопасности» или «правоохранительного органа».

Несомненно, в уголовно-процессуальном плане требуется особый стандарт исследования цифровой коммуникации, переписка должна оцениваться в хронологической последовательности, с установлением первоначального инициатора контакта, изменений легенды, момента появления преступного задания, реакций несовер-

шеннолетнего, вопросов о назначении объекта и объяснений со стороны куратора. Поскольку фрагментарное изъятие отдельных сообщений способно исказить картину умысла, важны данные об удаленных сообщениях, платежах, геолокации, передаче файлов, поисковых запросах и самостоятельных действиях подростка вне указаний куратора.

С учетом изложенного нам видится эффективной пятиэлементная модель квалификации дистанционной вербовки несовершеннолетнего для совершения диверсии: во-первых, установить адресность воздействия и личность предполагаемого вербовщика; во-вторых, определить фактическую функцию, предлагаемую подростку; в-третьих, установить специальную диверсионную направленность умысла взрослого; в-четвертых, автономно оценить содержание умысла несовершеннолетнего и его способность осознавать социальный смысл действий; в-пятых, проверить, не сформировано ли поведение подростка посредством обмана, угроз, шантажа или иной манипуляции, исключающей либо изменяющей его вину. Такая последовательность, по нашему мнению, предотвращает смешение ответственности организатора и исполнителя.

Хочется обратить внимание и на тот факт, что законодательная реакция 2025 г. существенно усилила охрану общественной безопасности, однако дальнейшее совершенствование целесообразнее было бы связывать не столько с увеличением санкций, сколько с уточнением судебных разъяснений. Считаем, что Верховному Суду Российской Федерации следует прямо указать, что при дистанционном вовлечении несовершеннолетнего необходимо разграничивать умысел вовлекающего и умысел вовлекаемого, использование информационно-телекоммуникационных сетей является способом преступного воздействия, но не заменяет доказывание адресности и содержания вербовки, совершение подростком объективно диверсионного действия не освобождает суд от установления специальной цели, обман относительно правомерности задания может исключать умысел несовершеннолетнего на диверсию.

Таким образом, мы видим, что дистанционная вербовка несовершеннолетних для диверсий характеризуется высокой технологичностью, персонализированным воздействием и возможностью скрывать истинную цель до последнего этапа и наиболее обоснованной, несомненно, является уголовно-правовая модель, при которой ответственность каждого участника определяется автономно. То есть, усиленная ответственность взрослого за вовлечение несовершеннолетнего не должна превращаться в автоматическое вменение подростку умысла организатора. При этом одновременно доказанная осведомленность о характере объекта, цели и последствиях действий позволяет применять нормы о диверсии независимо от корыстного мотива. В связи с чем эффективное противодействие требует сочетания точной квалификации, цифровой криминалистики, психолого-психиатрической экспертизы и ранней профилактики.

Мы так же разобрали, что отдельной квалификационной проблемой является соотношение вовлечения несовершеннолетнего с приготовлением и соучастием в конкретной диверсии, когда дистанционный куратор может ограничиться формированием готовности подростка к преступлению, а может передать точные координаты, способ поджога, время, маршрут отхода и порядок получения вознаграждения. И уже становится очевидным, что во втором случае его деятельность не исчерпывается воздействием на личность несовершеннолетнего, а в зависимости от установленной роли способна одновременно образовывать организацию, подстрекательство или пособничество в конкретном преступлении. При этом недопустимо автоматически признавать организатором всякого удаленного собеседника, требуется установить реальное руководство подготовкой и совершением деяния, распределение функций и контроль исполнения. В тоже время, если лицо только склоняет подростка, но не участвует в организации конкретного эпизода, специальная норма о вовлечении должна применяться в соответствии с ее собственными признаками. Такой подход, несомненно, позволит избежать как необоснованного расширения соучастия, так и искусственного поглощения самостоятельных общественно опасных действий.

Не менее важно разграничить и провокационное воздействие и выявление уже сформированного умысла, поскольку для профилактических и оперативных подразделений цифровая среда создает возможности раннего обнаружения лиц, ищущих исполнителей, однако сама деятельность государства должна оставаться в пределах закона. Фиксация предложения, исходящего от предполагаемого вербовщика, и последующее контролируемое взаимодействие отличаются от ситуации, когда идея преступления фактически создается действиями представителей власти, применительно к несовершеннолетним эта граница особенно чувствительна из-за возрастной внушаемости, поэтому доказательственная модель должна показывать первоначальное происхождение преступной инициативы и отсутствие искусственного формирования намерения совершить диверсию со стороны лиц, осуществляющих документирование.

В профилактическом же аспекте необходимо учитывать, что подросток часто воспринимает

цифровую коммуникацию как частное общение и не связывает ее с организованной преступной деятельностью, откуда следует необходимость формировать практический навык распознавания сценария, а не ограничиваться общими лозунгами о вреде экстремизма. То есть, эффективная профилактика должна объяснять признаки вербовочного поведения, просьбу сохранять секретность, использование «легенды» о законной работе, требование быстро выполнить поручение без обсуждения с близкими, предложение оплаты в криптовалюте или через третьих лиц, проверочные задания возле объектов инфраструктуры, сбор сведений о камерах и охране. Значение имеет и доступный алгоритм безопасного выхода из контакта, а именно прекращение общения, сохранение переписки, обращение к взрослому и передача информации компетентным органам без самостоятельного продолжения опасного взаимодействия. Вот почему предлагаемая нами модель предупреждения должна сочетать индивидуальную и средовую профилактику, когда индивидуальная направлена на подростков, уже оказавшихся в контакте с вербовщиками либо демонстрирующих выраженный интерес к рискованным «заработкам». Средовая же предполагает взаимодействие образовательных организаций, подразделений по делам несовершеннолетних, центров профилактики, родителей и цифровых платформ, но вмешательство должно быть соразмерным, так как профилактика не может строиться на презумпции криминогенности подростковой интернет-активности, ее задача состоит в сокращении пространства манипуляции, повышении способности несовершеннолетнего распознавать преступное предложение и обеспечении быстрого реагирования на адресную вербовку.

Список литературы:

[1] Дозорцева Е. Г., Бадмаева В. Д., Кастальская-Бороздина А. А., Федонкина А. А., Чибисова И. А. Клинико-психологические характеристики подростков, совершивших диверсионные действия // Психология и право. 2026. Т. 16. № 1. С. 83–101. DOI: 10.17759/psylaw.2026160106..

[2] Головин А. Ю., Акиев А. Р., Головина Е. В. Дистанционное вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность как объект криминалистического исследования // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 2 (76). С. 24–30. DOI: 10.33184/pravgos-2024.2.3..

[3] Буданова Е. А., Буданов С. А., Кушнарева А. В. Особенности детерминации и предупреждения фактов вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений посредством сети Интернет // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 4. С. 211–218.

[4] Буданова Е. А., Козаренко Ю. И. Проблемы квалификации деяний, связанных с фактами вовлечения несовершеннолетних в совершение различных преступлений // Вестник Воронежского института МВД России. 2025. № 3. С. 195–200.

[5] Польшиков А. В. Проблемы предупреждения фактов вовлечения несовершеннолетних посредством сети Интернет в совершение террористических актов и диверсий на территории России // Научный бюллетень Воронежского института МВД России. 2024. № 2. С. 210–214.

[6] Польшиков А. В., Демидова О. В., Кулешов А. А. Основные проблемы предупреждения террористических актов и диверсий, совершаемых несовершеннолетними и при их соучастии // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2025. № 1. С. 195–206.

[7] Киселев С. А., Киселева Ю. Ю. Изменение уголовного законодательства Российской Федерации в условиях СВО: проблемы противодействия вовлечению несовершеннолетних в террористическую и экстремистскую деятельность // Вопросы ювенальной юстиции. 2026. № 2. С. 10–14. DOI: 10.18572/2072-3695-2026-2-10-14..

[8] Шанько В. В., Мацко А. В. О мерах, принимаемых ГУ МВД России по Ставропольскому краю, по профилактике преступлений, совершенных несовершеннолетними и в их отношении // Ставрополь – город межэтнического согласия и межконфессионального диалога: материалы ежегодной городской научно-практической конференции. 2014. С. 172–175.

[9] Решняк М. Г., Боташева З. Х. Уголовно-правовые меры борьбы с диверсионной деятельностью: критический анализ законодательства // Теория и практика общественного развития. 2024. № 11 (199). С. 250–256. DOI: 10.24158/tipor.2024.11.30..

References:

[1] Dozortseva E.G., Badmaeva V.D., Kastalskaya-Borozdina A.A., Fedonkina A.A., Chibisova I.A. Clinical and psychological characteristics of adolescents who committed sabotage actions // Psychology and Law. 2026. T. 16. № 1. S. 83-101. DOI: 10.17759/psylaw.2026160106..

[2] Golovin A. Yu., Akiev A. R., Golovina E. V. Remote involvement of minors in criminal activity as an object of forensic research // The rule of law: theory and practice. 2024. № 2 (76). S. 24-30. DOI: 10.33184/pravgos-2024.2.3..

[3] Budanova E. A., Budanov S. A., Kushnareva A. V. Peculiarities of determination and prevention of facts of involvement of minors in committing crimes via the Internet // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 4. S. 211-218.

[4] Budanova E. A., Kozarenko Yu. I. Problems

of qualification of acts related to the facts of involving minors in the commission of various crimes // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 3. S. 195-200.

[5] Polshikov A. V. Problems of preventing the involvement of minors via the Internet in terrorist acts and sabotage in Russia // Scientific Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 2. S. 210-214.

[6] Polshikov A.V., Demidova O.V., Kuleshov A.A. The main problems of preventing terrorist acts and sabotage committed by minors and with their complicity // Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2025. № 1. S. 195-206.

[7] Kiselev S. A., Kiseleva Yu. Yu. Change in the criminal legislation of the Russian Federation in the context of the SVO: problems of countering the involvement of minors in terrorist and extremist activities // Juvenile justice issues. 2026. № 2. S. 10-14. DOI: 10.18572/2072-3695-2026-2-10-14..

[8] Shanko V.V., Matsko A.V. On the measures taken by the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Stavropol Territory to prevent crimes committed by and against minors // Stavropol is a city of interethnic harmony and interfaith dialogue: materials of the annual city scientific and practical conference. 2014. S. 172-175.

[9] Reshnyak M. G., Botasheva Z. Kh. Criminal law measures to combat sabotage activities: a critical analysis of legislation // Theory and practice of social development. 2024. № 11 (199). S. 250-256. DOI: 10.24158/tipor.2024.11.30..

